

Цзян Цютун был человеком странным.

Так говорили не только одноклассники, учителя, коллеги и начальники — то же самое повторяли его друзья и близкие.

С детства он отличался незаурядным умом: учебные тексты запоминал с двух-трёх прочтений, задачи схватывал на лету и тут же умел применить принцип к другим случаям. Чужие эмоции он считывал безошибочно — одного беглого взгляда хватало, чтобы понять, лжёт человек или нет.

Но небо, наделив его одним, всегда забирало что-то взамен. Чужие переживания он улавливал с хирургической точностью, тогда как собственные чувства едва теплились — почти не давали о себе знать. Повзрослев, он понял: это болезнь. И неизлечимая.

Грубое, но точное сравнение: если у других людей точка кипения — сто градусов, а замерзания — ноль, то у него кипение наступало при двухстах, а то и трёхстах, а лёд начинался где-то при минус ста, минус двухстах.

Со временем многие приходили и уходили. Они многому его учили, давали ощутить то, чего он не знал, расширяли его понимание жизни — и в каком-то смысле болезнь немного отступала. Хотя никуда не исчезала.

Когда-то история с каминг-аутом Юй Сыюаня втянула его в водоворот чужих скандалов. Устав от этого, он второпях женился на аспирантке. Однако не прошло и двух лет, как они развелись: она сказала, что он слишком холоден и у неё больше нет сил любить.

Цзян Цютун не знал, что на это ответить. Часто дело было не в нежелании реагировать — просто реакции не было вовсе.

Именно поэтому Цзи Яо, едва появившись, немедленно привлёк его внимание. Не потому что студент был обаятелен и сладок на язык. Не потому что хорош собой. А потому что умел задеть.

Да — Цзян Цютун давно считал Цзи Яо чем-то необъяснимым, почти мистическим. Рядом с ним он отчётливо, до мельчайших нюансов, ощущал колебания собственных эмоций. Это было ново. Настолько ново, что стоило Цзи Яо однажды зацепить его — и отделаться от него уже не вышло бы никогда.

Вот как сейчас.

Цзян Цютун перехватил его за талию, сжал пальцами подбородок, и голос его — холодный, как

родниковая вода — не нёс в себе ни капли человеческого тепла:

— Ты думаешь, в мою постель можно прийти и уйти, когда заблагорассудится? — Боюсь, это не твоё решение.

Договорив, он заломил юноше руки и одним движением опрокинул обратно на кровать.

— Твою мать! — Цзи Яо только успел дёрнуться, как Цзян Цютун поймал его запястья, и снятый галстук в несколько ловких движений — петля, оборот, узел — намертво стянул оба запястья. Затем он приподнял его ноги и вошёл снова.

— Цзян Цютун, сука, это насилие! Пошёл ты! — Цзи Яо побелел от ярости. Всё его обычное обхождение — «Брат Цзян», «Учитель Цзян» — слетело без следа, и из него хлынула такая отборная брань, что любо-дорого послушать.

Цзян Цютун двигался резко — несколько прядей, обычно убранных назад, выбились и упали на брови. Он холодно усмехнулся и принялся терзать Цзи Яо методично, с ленивой, почти издевательской неторопливостью — загоняя до самого дна, до предела:

— Ну так иди.

Цзи Яо взбесился окончательно. Он резко дёрнул ногой — и пятка с силой врезалась Цзян Цютуну под подбородок.

— За что ты так со мной?!

Удар вышел неслабым. Цзян Цютун не успел отшатнуться — слегка повело в сторону. Он тыльной стороной ладони потёр ушибленное место — к утру там точно будет шишка — и тут же перехватил занесённую ногу, крепко сжал и впился зубами снова, жёстче прежнего.

—...!! — Цзи Яо не смог даже вскрикнуть. В ушах зазвенело. Когда звон наконец стих, он с трудом собрал звуки окружающего мира.

Голос Цзян Цютуна был нежным — и ледяным одновременно.

— За что — Цзи Яо, ты думаешь, я слепой? Засосы у тебя на спине... Кто это сделал? Чжан Хэ? Или Вэнь Линь?

— У Чжана есть девушка. С Вэнем ты виделся слишком мало — значит, это было раньше, в Новый год. И тот след на шее тоже не Чжана — он просто взял на себя ответственность, прикрыл тебя. Я прав?

Цзи Яо на долю секунды дрогнул — только на долю, — потом мгновенно взял себя в руки. Он прекрасно знал: Цзян Цютун умен и наблюдателен, но и горд до невозможности — лгать и хитрить ниже его достоинства. Значит, не проверял, а видел наверняка. Юй Сьюань наверняка оставил следы на его спине. Отрицать бессмысленно.

Раз отпираться некуда — нечего и притворяться.

Он вздёрнул бровь, и на лице его расцвела самая вызывающая, нахальная из его улыбок:

— Ну да. У Чжан Хэ с Сюй Ее всё медово да сладко, мне тоже нужно было с кем-то провести ночь. Логично же.

Догадывался он или нет, но услышать это от самого Цзи Яо — вот так, прямо и без тени смущения — было уже другим делом. Цзян Цютун почувствовал, как в голове темнеет от злости. Не от нежности — чистая жажда контроля: мысль о том, что Цзи Яо осмелился изменять у него за спиной, сводила с ума.

Его красивая рука медленно скользила по коже юноши — и остановилась на колене. Поглаживала — двусмысленно, будто невзначай.

—... Я, кажется, говорил: посмеешь изменить — сломаю ноги?

Цзи Яо расхохотался — дерзко, без тени страха:

— С какой стати? Скажешь — и сломаешь? Во-первых, это моё тело. А во-вторых — кем ты мне был тогда? Ты хотел, чтобы я бежал по первому зову и пропадал по твоему велению. Так почему мне нельзя было делать то же самое?

Цзян Цютун медленно кивнул — задумчиво, будто взвешивая что-то, — хотя ни на секунду не останавливался.

— Значит, ты делал это нарочно?

Холодный пот выступил у Цзи Яо на лбу, но рот не слушался:

— Конечно!

—...

Цзян Цютун ненадолго замер, слегка нахмурившись. Темп спал — и Цзи Яо торопливо воспользовался передышкой. Но недолго: вскоре что-то щёлкнуло у Цзян Цютуна в голове, и он

снова обрёл прежнюю сосредоточенность.

Наклонился. Поцеловал — долго, до полного беспамятства.

— Ты прав. Я сам тогда нарочно держал тебя на крючке: ни разрядки не давал, ни ясного слова. Значит, твои дела на стороне — не моё дело.

—...— Цзи Яо уставился на него как на призрака.

Такая покладистость не вязалась с образом Цзян Цютуна, помешанного на контроле. Слишком человечно.

И правда — он ещё не договорил. Тонкие губы чуть разжались, и слово упало без всякого выражения:

— Но.

— Но с прошлой ночи ты мой. Я уже сказал. — Он произнёс это с холодноватым довольством — будто сообщал нечто само собой разумеющееся.

— Да пошёл ты! Я не соглашался!

Цзи Яо едва не задохнулся от злости — он чуть было не засмеялся. Ну и наглость — наложница возомнила о себе невесть что! Видно, и правда мозги уже отказывают, раз этот тип стал применять чжановские методы.

Цзян Цютун приподнял бровь. Перевернул его на живот, ***, вошёл сзади.

— Мм... — Цзи Яо стиснул связывавший его галстук и глухо застонал от острой боли.

— Поздно.

Услышав, как дрожит его голос, мужчина явно взбодрился. Он навис сверху, наклонился — и зубы сомкнулись на плече, вгрызаясь глубже, чем оба раза до этого. Куда жёстче.

— А-а-а-а-а!!

Лишь почувствовав привкус крови, он наконец отпустил — и провёл языком по следу от укуса, нежно, неторопливо:

— Цзи Яо. Раз ты называл меня учителем — позволь преподать тебе один урок.

— Никогда не связывайся с теми, кому не можешь дать отпор.

.....

Это длилось долго. В памяти Цзи Яо — бесконечно долго, как будто конца не будет никогда.

Цзи Яо так и не сдался. Цзян Цютун тоже.

.....

— Ублюдок...

— Вы льстите мне.

.....

Если честно, этой ночью он перешёл черту.

Сам Цзян Цютун был немного удивлён собой. Обычно он держал себя в руках — ни разнузданным не назовёшь, ни аскетом. В постели действовал аккуратно: холодно, без огня, но в целом — корректно.

Первый порыв ещё можно было списать на слишком долгое воздержание. Но то, что он сделал под конец — намеренно, демонстративно, — Цзян Цютун и сам не мог себе объяснить.

Объяснять не стал. Остался стоять в стороне, сложив руки, и с привычным невозмутимым видом созерцал то, что лежало на кровати.

Зрелище не было красивым. Грязным — да. Непристойным — тоже. И тем не менее в груди у него что-то тихо и странно разливалось — какое-то незнакомое удовольствие. Новое. Он прежде ничего подобного не испытывал и не знал, как это называется.

Наверное, удовлетворение. Или жажда обладания. Или то и другое сразу. Он не придавал этому особого значения — просто мысль, скользнувшая мимо.

Главное было в другом: видеть Цзи Яо, распластанного на его кровати и не способного пошевелиться, — это было приятно. Этого достаточно.

Тут полуживой Цзи Яо вдруг резко приподнялся на руках и дёрнул его к себе — прямо в этот беспорядок. Цзян Цютун не успел отреагировать и рухнул рядом.

— Цзян. Цю. Тун. — Цзи Яо вцепился ему в волосы, и слова выдавливались сквозь зубы — по одному, с тихой, мрачной яростью: — Смотри. Когда-нибудь я сломаю твою гордость. Сташу тебя с облаков на землю. Ты склонишь голову. Ты будешь стоять передо мной на коленях и умолять.

Цзян Цютун вдруг засмеялся — открыто, ярко, совершенно на себя непохоже — как будто услышал что-то по-настоящему смешное, неудержимо смешное. Его острый взгляд изучил лицо Цзи Яо — перепачканное, мокрое от пота и слёз — и через мгновение он произнёс с безмятежным высокомерием:

— Хорошо. Я буду ждать.

Фантазия автора.

В то время, когда Добродетельная наложница Цзян ещё занимал пост Канцлера Государственной академии, он как-то вёл беседу о чувствах со своим двоюродным братом.

— Брат, — произнёс Императорский секретарь Юй, — неужели вы и правда не испытываете ничего к Государю?

Господин Цзян, точно услышав нечто курьёзное, усмехнулся с лёгким изумлением:

— Я? К Государю?

— Тогда отчего же вы...

Господин Цзян с изяществом стряхнул пылинку с рукава халата — невозмутимый, как всегда, сдержанный, как всегда:

— Просто нахожу его занятым. Только и всего.

Императорская наложница Юй хотел было что-то сказать, но взглянул на непроницаемое, отстранённое лицо старшего брата — и промолчал.

Год спустя.

Цзян Цютун — блестящий старший сын рода Цзян, умный и дальновидный не по годам, уже занимавший должность четвёртого ранга — сложил с себя всё. Отказался от чина. Отказался от прав наследника. По доброй воле сел в маленький паланкин и въехал во дворец — стать запретным сокровищем государя.

С тех пор не стало в мире блестящего Канцлера Цзяна, чей талант затмевал современников. Остался лишь Добродетельный наложник Цзян, навсегда запертый в глубине дворцовых покоев.

<http://bllate.org/book/20554/2181715>